

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАТЬЯНА АЛАЯ

За тожника сугубга

Татьяна Алая

Заложница судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69423679

SelfPub; 2023

Аннотация

Мне не повезло с самого детства, когда маленькой девочкой привезли в незнакомый дом, украв у родителей. А затем, взрослея, я выживала как могла, делая сложный выбор, кем же мне быть: наложницей, шпионкой или даже убийцей. В одно из заданий я попала в богатый дом, где наконец узнала, какой может быть любовь.... А еще встретила мужчину, который бесит, которого ненавижу, но сердце вздрагивает при одном взгляде на него. Вот только Дамир умеет лишь ненавидеть, но Судьба постоянно сводит меня с ним. Но я сделала выбор, который сделал нас врагами...

Содержание

Предисловие	4
ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО КАДИРЫ	7
Глава 2. Новый дом	12
Глава 3. Дезире	17
Глава 4. Взросление	26
Глава 5. Решение	33
Глава 6. Обучение.	40
Глава 7. Обучение по желанию господина	49
Глава 8. То, о чем обычно молчат.	56
Глава 9. Путь к своей цели	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна Алая

Заложница судьбы

Предисловие

Изящная молодая темноволосая красавица, с распущенными иссиня черными волосами, волнами спускающимися почти до тонкой талии, сидела в ожидании посадки. Это уже была зона выхода непосредственно к самолетам, куда никого, кроме пассажиров не пускали, и она успокоилась, понимая, что в очередной раз ей все удалось. Она была одета в белый дорогой брючный костюм, который где нужно облегал фигуру, а ее поза была расслаблена и печальна, ведь она бежала из страны.

Девушка сидела, закинув ногу на ногу, показывая всем дорогие черные туфли на шпильках, и задумчиво смотрела на суету у самолетов. Она держала в руках посадочный талон бизнес-класса, а многочисленные широкие и тонкие, с камнями и просто золотые браслеты на обеих руках спокойно лежали на ее тонких запястьях ухоженных рук, которые держали изящный черный клатч. Незнакомка смотрела в стекло на ожидающие своей очереди самолеты. А те стояли как толстые откормленные птицы, растопырив крылья и заглядываясь в ответ на смотрящих на них людей, которые совсем ско-

ро полетят внутри их толстого брюха. Только они могли помочь этим сухопутным существам преодолеть пространство, паря в воздухе. И гордясь собой, те радостно горели огнем закатывающегося за горизонт солнца стеклами иллюминаторов.

Незнакомка сидела задумчиво, погрузившись в свои мысли, не обращая ни на что внимание. Поэтому она и не заметила, как со спины к ней подошел мужчина восточной внешности, одетый по-европейски в таком же белом костюме в сочетании с черной шелковой рубашкой. Лицо его было суровым и холодным, а черные как ночь глаза, не отрываясь, наблюдали сейчас за ней, словно тот боялся, что девушка может исчезнуть в любой момент. Но в его глазах не было радости встречи или доброжелательности знакомого. В них горела ненависть, глубокая, черная, делающая его взгляд тяжелым и жестоким, а ноздри мужчины раздувались от еле сдерживаемой ярости. И вот он, наконец, подошел к ней вплотную и положил руку ей на плечо. Даже скорее, схватил, как держат добычу или преступника, которого нужно наказать на месте. Ни тени жалости или сочувствия не светилось в его взгляде, обращенном на свою жертву.

– Как вы смеее?!? – начала было девушка с холодным достоинством, выражая раздражение и поворачиваясь к нахалу, который так бесцеремонно и болезненно посмел схватить ее. И когда она уже повернулась к грубияну лицом, которое оказалось потрясающе красивым: с правильными чер-

тами лица, изогнутыми бровями, идеально очерченными совершенными губами цвета алой розы, и загадочными непонятного цвета глазами, которые сейчас горели возмущением, то смогла только выдохнуть. Как только она увидела мужчину, то смертельно побледнела, и лишь ее губы прошептали:

– Дамир....

Голос девушки, даже испуганный, был бархатным, обволакивающим. Любой мужчина бы не устоял и отпустил бы ее, потому что она была само желание, совершенная в своей чувственности, как экзотический цветок, обещающий наслаждение. Вот только держащий ее за плечо мужчина остался безучастен к ее чарам.

– Я нашел тебя и ты должна заплатить за то, что сделала. Жизнью, – сурово произнес он, а в голосе его звенел металл и ненависть. Именно это чувство сейчас горело в мужчине там, где еще недавно была любовь.

Девушка не стала кричать, плакать, просить и молить о пощаде. Она знала, что это бесполезно, и она действительно виновата, а он не простит. А потому незнакомка просто равнодушно отвернулась обратно к самолетам, провожая глазами солнце, которое, возможно, было последним в ее жизни.

И теперь, когда уже не было смысла убегать, она невольно стала вспоминать все то, что привело ее к такому концу, когда она еще так молода. И это были тяжелые воспоминания. И это было ее исповедью самой себе...

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО КАДИРЫ

Глава 1. Начало

Я совершенно не помню себя в детстве. Вернее, в младенчестве. Хотя иногда мне до сих пор снятся странные, а порой и непонятные сны об этом периоде моей жизни. Возможно, даже о родителях, но все так неопределенно, расплывчато, что совершенно бесполезно и уже ненужно, пожалуй.

Кто-то когда-то сказал, что то, что так дорого, но хранится где-то в глубинах памяти, настолько глубоко, что ты сам не осознаешь этого, мы можем видеть во снах. Они как призраки выползают ночами, а мы, не отдавая себе отчета, рожаем их к жизни вновь и вновь, пытаюсь вспомнить. И те, только так способные выбираться из нашего подсознания, дают себе волю, терзая нас то сладкими, то горькими снами. И тогда получаются эти странные, обрывочные, мелькающие, словно вспышки света в темноте картинки, которые ты не помнишь утром, но целый день ходишь сам не свой, пытаюсь узнать и разгадать, что это может значить. А смысла нет, есть только забытые воспоминания...

А осознано и отчетливо я помню себя, начиная лет примерно с пяти. Точнее мне сложно сказать, потому что я не помню свой настоящий день рождения. Тот, что я уже давно не праздную, став взрослой, мне определила женщина, ко-

торая была приставлена ко мне и всем детям, которые были там. Она стала мне и хозяйкой, и няней, и наставницей, когда я оказалась и жила в том доме, не имея возможности уйти. И именно тот день, когда моя жизнь так круто изменилась, отчетливо врезался мне в память.

Как сейчас помню: вокруг была темнота, в нос просачивалась разные запахи, которые были как знакомы, так и незнакомы мне, машина подскакивала на колдобинах и неровностях дороги. Затем резкий свет, и меня практически вытолкнули из машины, грубо потащив за руку. Мне больно, страшно, я плачу, а слезы текут по лицу, но тем людям все равно, они лишь подгоняют меня идти быстрее. Помню пыльную дорогу под ногами, на жаре, от чего мне хочется пить и кружится голова. А потом я очутилась в огромном богатом доме, во внутреннем дворе, где царят спокойствие и умиротворение. Там везде была спасительная тень, но вместо того, чтобы дать мне передышку, оставить в покое и дать воды, вытереть слезы, меня подтащили к мужчине, сидевшем в расслабленной позе на низком плетеном диване с подушками с кальяном, а где-то рядом шумел фонтан, манящий своей влагой. Лишь каменный пол приятно охлаждал босые ноги.

Я замерла, смотря на него, не понимая, где мои родители, зовя их, спрашивая, где они и почему не приходят.

– Заткнись! – цыкнул он на меня.

А я, только взглянув на него, замерла, еле дыша.

До сих пор отлично помню первое впечатление от того мужчины, несмотря на страх, от которого колотилось сердце где-то в горле. И хотя потом я узнала его значительно лучше и со многих сторон, но то самое первое чувство оказалось самым правильным. Даже маленькую меня поразили его холодные безразличные глаза. Казалось, что смотришь в равнодушную пустоту. И я испугалась его до паралича, даже хотела заплакать, но мой испуг был настолько силен, что я не смогла даже этого. Слезы высыхали, еще не появившись из глаз, то ли от страха, то ли от жары, сотрясая мое тельце сухими всхлипами. А он в это время очень внимательно рассматривал меня. Так смотрят на скот на базаре, оценивая, прикидывая что-то в уме. А потом мужчина сказал, обращаясь ко мне:

– Забудь свое прежнее имя. Теперь тебя зовут Кадира. Если увижу или услышу хоть раз, что ты отзываешься на другое имя – тебя накажут поркой. Поняла? Меня зовут господин Азир. Обратишься без разрешения – тебя выпорют. Все, что нужно делать здесь, тебе скажет Аиша. Теперь иди, не докучай мне боле!

Уже сейчас, став взрослой, мне даже удивительно думать, что когда-то меня звали как-то по-другому, настолько Кадира стало моим. Сейчас я даже не помню то имя, которое дали мне родители при рождении, как ни пытаюсь. Хотя порой думаю, зачем мне это? Но тогда это возмутило меня.

– Но почему я должна быть здесь? – удивилась я тогда, по-

смотря на мужчину, сама не осознавая свою потрясающую дерзость, — я хочу к маме!

— Я не терплю пустых разговоров, — жестко сказал мужчина, раздражаясь на мои слова. — А ты, почему не забереешь девчонку? — обратился он к подошедшей полноватой женщине, одетой во все в черное. Та подобострастно выдохнула, поклонилась и взяла меня за руку, аккуратно, но очень цепко, чтобы я точно не вырвалась. Но затем сразу, уже силой оттаскивая меня подальше, она наклонилась и негромко произнесла, стараясь говорить добрым голосом, чтобы успокоить меня:

— Здравствуй, я Аиша, теперь тебя зовут Кадира. И молчи, когда тебя не спрашивают! Будь послушной, и все будет хорошо!

— Здравствуйте, — сказала я вежливо, внимательно и с любопытством рассматривая ее, но все равно не желая идти. — А где моя мама? — повторила я опять, но женщина не обратила на это внимание.

Аиша потянула меня куда-то внутрь дома, шепча, что не надо упираться и точно не стоит беспокоить господина, а тем более злить его своими вопросами, тем самым, не дав мне натворить глупостей. Я только сейчас понимаю, что она уберегла меня тогда от порки, и как минимум от многих ошибок после, но в тот момент я не могла оценить этого, а упрямо упиралась, желая получить ответ на свой единственный вопрос: «Где моя мама?!». А вернее, на все вопросы, крутив-

шиеся в голове.

— Ты упрямая девочка, — вздохнула та, уже понимая, что я не успокоюсь. Поэтому взяв меня за обе руки крепче, потащила туда, куда я должна была попасть. Я была слишком мала, чтобы дать достойный отпор в тот момент, хотя не думаю, что это бы закончилось чем-то хорошим. Сейчас-то я понимаю, что это бы мне не помогло, а навлекло бы только дополнительные беды и страдания к тем, которые уже меня постигли.

Лишь доброта Аишы и мое природное любопытство помогли увести меня внутрь, не сделав жертвой злости господина, который не отличался добротой. Хотя к счастью, я редко сталкивалась с ним в последующие годы до определенного возраста....

Глава 2. Новый дом

При первом знакомстве Аиша показалась мне, маленькой девочке, только что похищенной из родного дома, старрой, с уставшим лицом, и погасшими глазами, но я оказалась неправа. Но об этом позже. Пока я была малышкой, а точнее, лет до одиннадцати, то долго считала ее просто строгой тетушкой, которая занимается тут хозяйством. Но на самом деле она играла намного более важную роль в этом доме. И только став взрослой я узнала всю жестокую правду, а еще, что ей на тот момент было не больше тридцати четырех, хотя для нас это уже считай старуха, если она не вышла замуж к этому возрасту. Так что и деваться ей особо было некуда.

Но возвращаясь к моему детству и тому дню, когда я оказалась в моем новом доме, она привела меня в небольшую полутемную комнату, где лежали на полу несколько матрасов. Аиша толчком посадила меня на один из них, говоря:

– Я сейчас приду. Ты пока разденься. Надо тебя помыть и подстричь волосы, чтобы вши не завелись. А потом я расскажу, что ты будешь обязана делать здесь, чтобы тебе разрешили жить и давали еду.

И затем сразу ушла, оставив меня одну в этом странном помещении. Я не понимала, почему моя жизнь так внезапно изменилась, и почему родители не приходят, не ищут меня, наконец. Но вера, что они скоро заберут меня отсюда, не

давала разревется. Я просто решила ждать. Поэтому просто села на матрац и смотрела в одну точку все то время, пока женщины не было. Когда Аиша вернулась, то явно разозлилась, что я не послушалась ее.

– Неужели ты такая глупая, что не можешь сама снять с себя одежду?! – стала ругаться она. – Неужели родители не учили тебя слушаться взрослых? Если так, то ты долго здесь не протянешь! Непослушание – худшее, что может быть в детях!

Я же поняла только то, что ей стыдно за меня, и будет так же стыдно родителям, если я не буду слушаться. И поэтому просто стала молча раздеваться, не желая никого огорчить. В первую очередь не хотелось расстроить папу и маму, когда те приедут за мной, не хотела, чтобы они стыдились меня. Аиша же замолчала и просто наблюдала за моими действиями, ожидая, пока закончу. В итоге я стояла голенькая, сложив одежду и положив ту на матрац, ожидая, что скажет эта странная незнакомая женщина.

«Вряд ли родители обрадуются, увидев меня замарашкой?», – думала я тогда, смотря на свои грязные от пыли и не понятно от чего, ноги.

Аиша нетерпеливо молча схватила меня за руку и повела по коридорам дома, а потом я оказалась в хамаме. Позже я очень любила там бывать, расслабляться, когда тело напряжено от забот, пробираясь туда чаще всего без спроса. Но в тот день все было ново и непривычно, а потому вела себя

как испуганный тушканчик. Это было очень большое помещение, с бассейном, где могли поместиться сразу несколько человек. Изучая все вокруг, я мужественно вытерпела, пока меня терли и скребли, но когда взялись за волосы, подойдя с ножницами, я не выдержала.

– Не хочу стричься! – возмутилась я тогда громко, но Аиша тут же, не желая тратить на меня время, пригласила двух других женщин, чтобы те помогли справиться со мной, ворча, что я слишком непослушная.

Сейчас мне кажется, что я сопротивлялась больше потому, что мои длинные волосы нравились матери, хотя я уже совсем не уверена, если честно. Может и отец хвалил их, любясь, мне сложно сказать с прошествием стольких лет И потому что не помню этого. Даже их образы уже давно стерлись из памяти и не преследуют меня. Но тогда это было слишком важно для той маленькой девочки, которой я была. Поэтому этим женщинам пришлось держать меня, пока Аиша состригала черные длинные до пояса волосы. В итоге я стояла перед ними подстриженная как мальчик, дрожа от негодования и бессилия. И это, помню, стало той трагедией, той мелочью, которая ослабило мою волю, открыв путь слезам, и я разревелась. Навзрыд. Аиша же только переждала, пока закончится эта истерика. Когда я успокоилась, меня привели обратно в ту же самую комнату и оставили на матрасе, одетую в простой длинный балахон. А на день она дала мне свободные штаны под него.

Возможно именно то, как спокойно и равнодушно это все было сделано, оставив наедине с моим горем, послужило первым шагом к тому, чем я стала сейчас. Потому что именно тогда я для себя решила, что не смогу простить им этого. Всем участницам этого насилия. Мне сложно сказать даже сейчас, почему мой мозг так заиклился именно на стрижке. Возможно, это стало олицетворением той новой жизни, к которой меня так жестоко принудили. Все может быть. Но став взрослой, точнее, лет в двенадцать, ровно также я обстригла всех тех, кто это сделал со мной тогда. Как меня не наказали до смерти, я сама поражаюсь сейчас. Ну, если не считать розг, которые я в очередной раз получила, давно привыкнув к такому наказанию.

Но об этом периоде я тоже расскажу, но чуть позже.

Но в тот момент, сидя в душевной комнате, в свои пять лет я как умела пыталась приноровиться к новой жизни, которая так отличалась от привычной, просто ожидая родителей. А Аиша постепенно показала и рассказала мне обязанности: мести пол, вытирать пыль, бегать по поручениям и на подхвате на кухне. А еще куча всяких других мелочей. За это мне давали хлеб, немного каши с макаронами или овощей в день и воду. Только по праздникам это могло быть что-то существенное, а мясо было раз в неделю, не чаще, если вспоминали. К счастью, на жаре и постоянно бегая туда-сюда, я не понимала, как бежит время, вспоминая про еду, только когда все нетерпеливым ручейком тянулись на кухню, а в же-

лудке нещадно урчало.

С каждым годом, по мере того как я становилась взрослее, к списку моих обязанностей прибавлялись все новые, которые были все тяжелее и тяжелее. У меня не было свободной минуты, а за любой проступок следовало наказание. Так я стала бесплатной служанкой в этом доме. Это вообще было странное место: здесь жило много женщин, время от времени появлялись такие же дети, как и я, разных возрастов. Некоторые из них оставались, а некоторые исчезали навсегда, и никогда не возвращались. Во всяком случае, я их больше не видела. А иногда приезжал хозяин с гостями, только мужчинами, и тогда начиналась кутерьма и суета.

Вот только родители все никак и не приезжали за мной. Поэтому постепенно я стала забывать их, вспоминая о них как о сказке, в которую мне все сложнее было поверить с каждым днем в той жизни, которой я существовала. Их образы постепенно стерлись, а осталась только улыбка матери и ее аромат. Да и те вскоре совсем исчезли из моей памяти, вытесненные новыми воспоминаниями уже из совершенно другой жизни.

А примерно через пару лет после моего появления в том доме произошло одно из самых важных событий, которое повлияло на всю мою последующую судьбу.

Я обрела друга, точнее, лучшую подругу.

Глава 3. Дезире

Однажды, в совершенно обычный день, такой же, как был вчера, и какой должен был быть завтра, моя жизнь совершенно изменилась. Мне было примерно около семи тогда, и я уже тогда не очень уже надеялась, повзрослев слишком рано, что родители придут за мной. Я постепенно переставала верить в это, как в какой-то момент перестают верить в чудеса или в Хызыр Ильяса (Дед Мороз в арабских странах), чувствуя себя совершенно одинокой.

В тот день я вернулась после очередной тяжелой работы в свою комнату, мечтая только упасть и заснуть, а увидела там нечто, сжавшееся в комок, который оказался девочкой. Судя по коротким теперь волосам и одежде, она уже прошла «экзекуцию» с мытьем, и теперь ее, как и меня тогда, бросили в этой комнате, совершенно безразличные к постигшему незнакомку горю. Так как мы все прошли через это, то я отнеслась к увиденному вполне спокойно. Столько раз уже успела повидать нечто подобное, что такое не трогало меня. Просто все здесь, даже в этом возрасте уже начали черстветь душой от жизни, которой жили. Но эта девочка почему-то привлекла мое внимание. И хотя я не была уверена, что она завтра или совсем скоро не исчезнет, как другие, прошедшие вереницей через эту комнату, но все равно подседа и просто молча сидела рядом в немой поддержке. Та в первый момент

не заметила меня, поджав ноги к лицу и закрывшись руками от всех и вся, издавая лишь тихие всхлипы. Но постепенно, словно почувствовав, что тут кто-то есть, подняла свое заплаканное лицо и посмотрела.

– Кто ты? – спросила она робко, показав лицо все запачканное в пыли и текущих из глаз слез.

– Я Кадира, – улыбнулась я, – а ты новенькая? Я тоже когда-то так же тут очутилась, – решила ободрить девочку.

Она лишь еле-еле кивнула, словно поняла сказанное, но в глазах все равно было что-то, что заставило меня остаться, а та продолжала смотреть на меня. Девочка была почти моего возраста, но так испуганна, так несчастна, что было даже странно, когда та не шарахалась от меня как от очередного врага.

Ободренная таким спокойствием новенькой, я пододвинулась как можно ближе, пытаюсь разглядеть девочку. Но та сразу отползла подальше и опять закрыла лицо ладонями, одновременно утирая слезы и сдерживая всхлипы. А я осталась сидеть на том же месте. Но постепенно ее любопытство пересилило страх, и, сдвинув руки вниз, теперь заслоняя ими только нижнюю часть лица, она спросила:

– А ты давно тут?

– Я не знаю, – пожала я плечами, – примерно года два. Но здесь не так уж и плохо, просто надо слушаться, – попыталась я отвлечь ее и помочь освоиться, хотя как рассказать, что действительно ее ждет? Мне вдруг так захотелось, чтобы

девочка не расстроилась еще сильнее. Что-то трогательное мне виделось в ней.

Так мы и смотрели друг на друга.

Девочка молчала и просто изучала. Странно, но именно к ней я почувствовала тогда сочувствие. До этого ни один из побывавших в этой комнате детей не рождал во мне подобные чувства. Разве что Ахмед. Это был старший мальчик, лет десяти или старше. Он жил здесь, еще когда я только появилась в этом доме, и был очень добр ко мне. Благодаря ему и его помощи я выжила, потому что мальчик подкармливал меня, помогал, когда никто не видел, и вообще поддерживал, успокаивал, когда хотелось реветь. А потом Ахмеда перевели в другое помещение в доме, и мы виделись теперь с ним очень редко. Да и то случайно. И я порой тосковала по нему, как единственному, кто был так добр.

– А как тебя зовут? – спросила я вдруг новенькую, имея в виду новое имя девочки.

– Дезире, – отвела та слишком быстро.

– Не старое, – поспешно поправила ее я, – твое новое имя.

– Какое новое? – удивилась она.

Я задумалась, а скорее растерялась. Было так странно, что ей не дали новое имя. Это происходило со всеми, кто здесь появлялся. Но она ответила так быстро и столь уверенно, что я не могла сомневаться, что это как раз настоящее. И тем казалось более диким для меня, когда свое прежнее я сама уже и не могла вспомнить.

– Тебя действительно так зовут? – уточнила я, – то есть господин Азир не дал тебе новое? Совсем-совсем?

Неожиданно, но этот вопрос побудил ее открыть лицо полностью и посмотреть на меня несколько обескураженно.

– Да, – кивнула Дезире удивленно, – а что, разве может быть другое имя? – спросила она совершенно искренне.

Тут уже удивилась я.

– Он что, действительно не дал тебе другое имя?! – поразила я, опять переспрашивая, что было для меня наравне с тем, что солнце не взошло утром.

– Не дал, – ответила Дезире, внимательно смотря на меня и не понимая мой тихой паники.

Я была очень озадачена. И это еще было очень мягко сказано – это был шок. Господин Азир распоряжался здесь всем. Он был хозяином, имея власть наказывать, поощрять, приказывать, что хотел. Он был волен распоряжаться твоей жизнью как своей, ты сам был ничто. И новое имя было своего рода обязательным условием, чтобы ты стал частью этой новой жизни. А тут он не сделал этого.

– Ты какая-то особенная? – не удержалась я от вопроса.

Дезире посмотрела на меня своими огромными глазами и пожала плечами.

– Я обыкновенная, – сказала та тихо, – а господин Азир, это кто? – вдруг спросила девочка. – Не видела никакого такого.

– Это невозможно! – уверенно сказала я.

– А вот ты странная, – вдруг сказала Дезире, неуверенно улыбнувшись и посмотрев на мои короткие волосы, которые торчали во все стороны. Я же гордилась ими, потому что с трудом каждый раз отращивала те до подбородка, но их состригали, как только достигали плеч.

Я в свою очередь посмотрела на нее. Девочка была очень милой и такой обаятельной, что неожиданно вызвало во мне тоску и зависть. Но не к девочке, а к тому, о чем мечтала сама. А мне с некоторых пор хотелось быть красивой, как та женщина, которую случайно как то увидела: та сидела во внутреннем дворе у фонтана, среди тяжелого аромата роз. Незнакомка была потрясающе красива, с подведенным черным глазами, с длинными волосами, одета как принцесса. Я лишь мечтательно глазела на нее, не в силах оторвать взгляд.

И вдруг, не понятно почему, но мне в тот момент очень захотелось помочь Дезире. Она была так испугана, так подавлена, так незащищена, что я не могла иначе. Слишком хорошо я сама помнила помощь Ахмеда.

– Знаешь, ты только слушай меня, я тебе все расскажу, как тут устроено. Если нужно, даже буду защищать. Только делай, как я говорю, – неожиданно для самой себя сказала уверенно. Хотя плохо понимала, как смогу это притворить в жизнь так, как хотелось. Но за время пребывания здесь у меня появилась куча уловок и хитростей, чтобы добыть вкусную еду, понежиться в хамаме, да и достать много всяких приятных штучек тое. Я отлично приспособилась, научив-

шись обманывать, подлизывается, сразу безошибочно определять настроение человека, изворачиваться и делать много другое, чтобы выжить.

– А хочешь, я подарю тебе вот это? – спросила меня вдруг Дезире. При этом она достала откуда-то из-под матраца красивый браслет и протянула мне.

– Зачем ты мне это даешь? – удивилась я, опасаясь даже коснуться его, привыкшая ко всему относиться с подозрением. А вещь была очень красива, как волшебная.

– Просто ты хочешь помочь мне. А я хочу отблагодарить. У меня еще есть, – ответила девочка.

И она показала другой браслет. Один в один такой же, как подарила, протягивая.

Я не привыкла к подаркам, но жизнь здесь заставила меня придерживаться принципа: дают – бери, а бьют – беги. И тогда я практически выхватила из ее руки украшение, плохо понимая, зачем оно мне здесь и как смогу уберечь. Но все равно тут же запрятала украшение в самое потайное место, решив потом рассмотреть повнимательнее. И тут произошло то, что я потом сама не могла объяснить. Мне вдруг показалось, что Дезире действительно особенная. И она как по мановению джина стала для меня именно такой. Я вдруг увидела девочку другими глазами. Наверно, именно в тот краткий миг я поняла, что мне подарили близкого человека, о котором так мечтала.

– Можно, я буду твоим другом?! – вдруг в надежде про-

шептала я.

Неожиданно Дезире улыбнулась улыбкой, которая осветила эту мрачную комнату, и ответила:

– Я буду тебе не просто, а лучшим другом!

И тут радость, какую я давно не испытывала, поглотила меня, от чего порывисто обняла новенькую, что для меня после жизни здесь, было так же невозможно, как и этот подарок. Просто потому что все дети в этом доме, становились злыми и замкнутыми, а чаще запуганными и похожими на диких зверьков. Здесь не дружили, а выживали. Хотя попадались такие, как Ахмед, но это было лишь единичным исключением.

В остальном после появления Дезире все продолжалась без особых изменений, но неожиданно ее присутствие рядом сделало мою жизнь совершенно другой. Думаю, что только благодаря ей я осталась человеческой, могу чувствовать и переживать, хотя жизнь приучила меня не показывать чувств. Но именно с лучшей подругой я могла быть такой, какой меня никто не знал. И это была наша с ней тайна.

К счастью, господин Азир не жил тут постоянно, а приезжал наездами. Причем никто не знал, когда он будет, поэтому дом держали в идеальном порядке постоянно, не делая поблажек никому. С хозяином мы все вообще сталкивались очень редко, хотя это сложно назвать даже так. Я всего лишь видела его издали несколько раз, когда мужчина приезжал с гостями. Те дружески беседовали, смеялись, входя в дом.

Мне было странно, что за пределами этих стен есть какая-то другая жизнь, потому что нас никуда не выпускали. Это был наш маленький мир, в котором мы жили, страдали, радовались, смеялись и выживали, взрослея.

Вот так странно и необычно завязалась наша с Дезире дружба. И с каждым годом становилась все крепче, когда мы с особым рвением защищали и опекали друг друга в этой жесткой жизни. Ее обязанности были такими же, как у меня, но сначала это получалось у нее неумело, а я брала вину на себя, если не успевала помочь. Для меня было привычнее так, когда все в доме знали мой неуживчивый характер, тем более сама в спорах с Дезире настаивала на этом. Я убеждала всех, что растяпа и лентяйка, прикидываясь неловкой и рассеянной. Аиша только ахала и охала, удивляясь такой резкой переменой во мне, а подруга укоряла каждый раз, не желая быть обузой и причиной. Но я делала так, что у нее не было выбора, как согласиться. В этом я собаку съела.

Ночами же мы с моей лучшей подругой жили другой жизнью. Нашей второй, скрытой ото всех. Дезире в отличие от меня помнила своих родителей и родных, и, лишь раз назвав имена, тихонько ночами рассказывала мне о них, скучая по родным. А я слушала и мечтала, что это моя семья, что это меня так любят. А для того, чтобы никого не тревожить, мы ложились на один матрас и, обнявшись, тихо болтали полночи, радуясь хотя бы этим тихим часам уединения и свой призрачной свободой от ежедневных тягот.

Так, постепенно и неумолимо, продолжалась моя жизнь в этом новом доме, а годы пролетали за пределами дома.

Глава 4. Взросление

И вот мне почти двенадцать. Дезире оказалась младше меня на пять месяцев. Во всяком случае от того дня рождения, которое дала мне Аиша. Хотя я уже с детства не видела смысла в этом дне, который ничем не отличался от других. Никаких подарков мне, конечно, в этот день никто не дарил. Хотя с появлением подруги та пыталась меня чем-то порадовать в такой день, за что была ей благодарна. Но в остальном жизнь не приносила радости. А еще, слушая ночами рассказы Дезире о семье, завидовала тому, что она помнит о них, а я нет. Но в тоже время, ей было больнее. Она ждала их. Молчала, ничего не говорила мне, но ждала и мечтала. Я это отчетливо видела, когда сама давно перестала надеяться. Так было легче.

Дезире долго ждала, что ее заберут, а я упрямо старалась внушить, что этого не будет. Понимая, что так нужно, что должна помочь ей, даже таким жестоким способом. До сих пор помню, как видя, что делаю больно, все равно пыталась донести до подруги, что ее бросили, как и меня. И она постепенно смирилась. Либо сделала вид, что смирилась, но просто не показывала мне, зная, что буду говорить, чтобы перестала надеяться. Не потому, что была жестока на самом деле, а просто уменьшить ее страдания. Дезире лишь кивала, только с каждым днем становилась все задумчивее и груст-

нее, осознавая правду.

Но несмотря на это, мы с самого первого дня стали с ней как единое целое, все возможное время проводя вместе. Дезире стала мне ближе и важнее, чем сестра. Тем более я теперь все знала об ее родных так много, что это делало меня как родной. Во всяком случае, в моих мечтах.

По мере того, как мы росли, то я придумывала и открывала для себя все более хитроумные способы получить то, что мне хотелось. Причем чаще всего делала это, чтобы порадовать Дезире. Подруга только удивлялась, на какие уловки я иду, что вытворяю, как обманываю и подлизываюсь, если мне нужно что-то получить.

– Тебя когда-нибудь поймают, – ворчала она, зная про мои проделки, каждый раз переживая. – Ведь ты же знаешь, что тебя жестоко накажут?

– Неа, – гордясь собой, отвечала я, протягивая ей лукум или еще что-нибудь вкусное. А еще это могла быть красивая вещь, платье, просто шалость, чтобы пробраться куда-нибудь, где можно перевести дух. Да что угодно. Моя фантазия работала во всю, чтобы сделать нашу с ней жизнь чуть лучше, чуть легче, чуть ярче, чуть радостнее. Иногда это было просто время понежиться где-нибудь, погулять в садах, просто хотя бы немного ничего не делать, потому что это была явная роскошь.

Аиша же постоянно, словно специально придумывала нам всякие дела, чтобы мы падали замертво от усталости вече-

ром, а у взрослых не было бы необходимости присматривать за нами. Все делалось с умыслом, чтобы у детей не оставалось времени и сил на шалости. Мы росли по сути, как перекати-поле, никто нами не занимался. Только кормили и давали одежду, да наказывали периодически, требуя выполнять свою работу.

Но и в работе я пыталась найти все возможные причины не работать, либо облегчить, даже если за это мне частенько доставалось. И еще я всегда брала на себя вину Дезире, если эту тихую и добрую девочку можно было обвинить в чем-то. Но Аиша всегда находила что-то, за что нас можно было отругать, а хорошо, что не наказать.

«Странно, что она так цепляется к Дезире, ведь та значительно спокойнее и послушнее меня?» – удивлялась я, но все равно ничего не могла изменить. И не хотела ничего менять, уверенная в своей безнаказанности.

И наверно именно поэтому случилось то, что случилось. Все было как обычно. Я в очередной раз решила раздобыть для нас сладости. Это был потрясающий лукум, который прислали для хозяина в подарок. Он пах розами так, что у меня сводило зубы от желания съесть его. Такого восхитительного лакомства я еще ни разу не видела. Он точно был особенный, и помимо умопомрачительного аромата розы таил во рту. Я в принципе обожала лукум, но этот был таким, что не удержалась утянуть несколько кусочков. С расчетом на Дезире, конечно. И вот, когда уже уверенная, что все по-

лучилось, с сияющим радостью лицом тихо крадась по кухне пробиралась к себе, то оказалось, что на выходе меня ждет Аиша. Женщина стояла, упрев руки в бока, и преграждала мне дорогу к спасению. Деваться было некуда, а остальные люди на жаркой и душной кухне были заняты своими делами, не замечали ничего и никого, что и помогало мне не раз.

– Так, так, – зло сказала Аиша, строго смотря на меня, – и что же у тебя в руке?

– Ничего, – выдохнула я, стараясь подавить волнение и при этом придумывая, как бы спрятать добычу так, чтобы все равно забрать ее потом.

Но женщина не поверила мне на слово и тем более не стала слушать. Но я вовремя уже постаралась избавиться от «улики», сбросив тот в угол. Только аромат сахарной пудры и роз на влажных ладонях теперь напоминал о желанной сладости, и то я усиленно стирала тот с рук, держа их за спиной. Дезире в этот момент, не успевшая предупредить об опасности, подошла к нам, готовая на все, чтобы спасти меня. Мы обе точно знали, что за воровство я могу получить десять плетей. А может и что-то хуже. Один раз было пять, и я не очень хотела повторения, с трудом перенеся и прошлый раз.

«Хорошо, что хоть руку не отрубают!» – подумала я тогда с некоторой радостью.

Но Аиша бесцеремонно и больно схватила меня с явным намерением поволочь куда-то на разборку. Уж точно не для беседы. Я даже думать не хотела, куда и зачем, а потому упи-

ралась, как могла. Чтобы помочь Дезире вцепилась в руку Аишы, прося и умоляя не трогать меня, признаваясь, что это она во всем виновата. Подруга это делала намеренно, считая, что ей не будут назначать строгое наказание, раз до этого ни разу не провинилась. А я в отчаянии понимала, что она пытается вернуть мне долг за все принятые за нее наказания. И не могла этого позволить. От этого прямо на выходе из кухни завязалась непонятная возня между Аишей и нами.

Я сама не знаю, как так получилось. Но то ли потому что женщина продолжала тянуть меня, то ли по другой причине, но в какой-то момент Дезире столкнулась со спешащим мимо Абдулой, в руках которого был огромный горячий чан.

Это случилось в какую-то секунду. Но только тогда я поняла, как один поступок может изменить твою жизнь совершенно.

Как в замедленном кино Дезире стала падать, а горячая вязкая жидкость лилась на нее, а я застыла, не зная, что делать от ужаса. Я даже не слышала своего крика, настолько была потрясена случившимся. Уже потом мне рассказали, как меня держали и оттаскивали, а я кричала как ненормальная, пытаюсь добежать и помочь Дезире, брыкаясь и вопя как животное.

Только через сутки я смогла увидеть ее, прячась и тайком подглядывая за взрослыми. Меня не пускали к подруге, хотя я предпринимала все попытки, но все равно не пускали под угрозой жесткого наказания. Но даже это не помешало мне

узнать, где она и прийти, прячась по углам. Дезире лежала на кровати, а я лишь в бессилии наблюдала, как доктор и Аиша с беспокойным и печальным лицом выходят из комнаты подруги, так ничего и не говоря. Только после ухода врача женщина все же сообщила, попутно ругая и обвиняя меня, что у Дезире сильнейший ожог левой руки и бока, а еще вывих ноги. И состояние очень тяжелое.

«Это я виновата!» – было моей единственной мыслью, когда я плохо осознавала саму себя. – «Я собственными руками причинила боль лучшей подруге, единственному человеку, который мне дорог в этой жизни!»

И эта мысль уничтожила меня в тот момент.

Немного придя в себя через некоторое время, я все же пробралась к ней как-то ночью, а затем долго сидела рядом и бормотала, как сожалею о случившемся.

–Ведь если бы не я, то ничего бы не случилось! Прости меня! – шептала я у кровати подруги. – Как бы я хотела быть на твоём месте и все бы отдала за это.

Но она не слышала меня. Дезире бредила и разговаривала с кем-то. Подруга явно не понимала, где находится, ей казалось, что она дома. Я только тихо сидела, слушая, а слезы катились по щекам. Затем, свернувшись калачиком, легла на полу, без матраца решив, что никуда не уйду, пока не попрошу у нее прощения и увижу прощение.

Это удалось сделать только через неделю.

Обнаружив меня утром в комнате Дезире, Аиша наказала

и заперла в чулане. Но возможно, она сделала это, чтобы я не мешалась и не путалась под ногами. Уже запирая дверь, женщина тихо сообщила, что подруге очень плохо.

В то утро состояние Дезире ухудшилось, слишком сильным был ожог. Три дня она была на грани жизни и смерти, а услышав об этом, я поклялась, что если Аллах позволит Дезире выжить, то никогда не оставлю подругу. Что буду даже ценой своей жизни защищать подругу, чего бы мне это не стоило, ведь только я во всем виновата. Когда кризис миновал, Аиша сжалась надо мной, выпустив из чулана, уже не прогоняла меня как поганую собаку от кровати подруги. Я так и проводила все время рядом, сделав всю работу, чтобы не прогнали. Никогда в жизни я не делала все так быстро, чтобы только быстрее пойти к Дезире.

Но тогда я не знала, как сильно это событие еще повлияет на всю мою последующую жизнь.

Глава 5. Решение

Я так и дежурила у кровати Дезире пока подруга не начала поправляться, как не ругала меня за это Аиша,. Мне было все равно, что будет со мной, лишь бы быть рядом с ней. И скорее была готова терпеть любое наказание, чем согласилась бы уйти и оставить сестру одну. Теперь я думала о подруге только так. Я приходила, как только выдавалась свободная минутка. Дезире, как только более или менее пришла в себя, твердила мне, что я не виновата, что это несчастный случай, что не держит зла, но я сама молча продолжала обвинять себя и только себя. И винила безмерно.

Со всей очевидностью одиннадцатилетнего ребенка я понимала, что мне нет прощения. И мне сложно было представить, чем я смогу искупить сделанное. Чем можно было исправить то, как все случилось, и что я сделала с подругой? Особенно видя страшные следы ожогов на теле Дезире. Даже мне было очевидно, что у нее теперь останется след на всю жизнь, в воображение рисовало мне ужасные картины. И с очевидностью я понимала, что подруга вряд ли выйдет замуж теперь, хотя и моя судьба в этом была очень призрачной.

Через некоторое время спустя выяснилось, что в попытке спасти ее от последствий ожога все забыли про ногу. И когда Дезире, наконец, встала с кровати, то оказалось, что девочка

хромает. Аиша опять позвала врача, но тот с печалью в голосе сказал, что он уже не может восстановить ногу, потому что прошло очень много времени. Помочь может лишь операция. А я понимала, что хозяин не будет тратить на то, чтобы помочь Дезире. Глубина моей вины усилилась во сто крат, если это было возможно.

Подруга, добрая душа, как могла, уговаривала меня не думать об этом, сама стараясь воспринимать это проще. Она даже наоборот шутила, что теперь ее не отдадут замуж, и она сможет спокойно прожить свою жизнь здесь, рядом со мной, а не исполняя волю незнакомого мужчины. Но я не могла не видеть, не замечать, как ей тяжело. Мы обе понимали, что все эти события разрушили ее жизнь. Надежды на многое теперь стали невозможным, когда замужество было единственным способом уйти отсюда. И тогда я решила остаться с ней навсегда, никогда не выходить замуж, если даже будет возможность, а разделить с Дезире наши судьбы. Мне больно было осознавать, что ее нынешнее уродство не даст возможность прожить ту жизнь, которая была уготована.

– Прости меня, – в который раз я шептала ей, прислонившись к здоровому боку подруги, на что она обнимала меня и гладила, успокаивая.

– Не надо, Кадис, ты не виновата, – шептала она ласково при этом, но переубедить меня было невозможно.

И вот через некоторое время приехал хозяин. Как это ни странно, но он в первый раз пришел в эту часть дома и вни-

мательно изучил, как выглядит Дезире. А еще случилось то, что впервые за эти годы хозяин потребовал привести меня во внутренний двор с фонтаном.

Я как раз вернулась в нашу общую с остальными детьми комнату, когда туда вошла Аиша и сказала строгим голосом.

– Быстро надень что-то поприличней. Тебя зовет хозяин.

– Но зачем? – не удержалась я от вопроса, совершенно растерявшись.

– Откуда я знаю? – удивилась та. – Но уверена, что это связано с Дезире. И будь поскромнее там! – резко приказала женщина.

Я только облегченно выдохнула, потому что так исстрадалась за это время угрызениями совести, что уже не видела ничего страшного в том, что меня накажут. Даже если казнят или что-то подобное, считала это справедливым. Такая мысль даже принесла некоторое облегчение. Моя судьба уже была для меня не так важна, лишь бы искупить вину перед Дезире. Мне казалось, что если подвергнусь физическому наказанию и сильной боли, то моей душе станет легче. Но я не знала, как ошибалась.

И вот, одетая в светлое чистое просторное платье до пят и штаны я стояла перед хозяином, смотря в пол и не решаясь на него взглянуть. Господин Азир опять так же молча рассматривал меня, как и в тот раз. Я чувствовала это кожей, и была уверена, что его взгляд так же тяжел. Еще подходя к нему, я поняла, что мужчина почти не изменился, может

лишь черты чуть заострились. Но то, что он позвал меня к себе, было непонятным.

– Здравствуйте, – пробормотала я, волнуясь и смотря в пол.

Мужчина ничего не говорил, а просто продолжал смотреть, а я утомленная и измученная мучительным ожиданием, причины желанием увидеть, все же подняла на него взгляд исподлобья, еле сдерживаясь, чтобы не спросить. Это был все тот же холодный пристальный взгляд торгаша, который оценивает товар.

– Ну, здравствуй, Кадира, – наконец произнес мужчина спокойным голосом, так и не отрывая от меня взгляд, – ну-ка подойди ко мне ближе. Я хочу рассмотреть тебя внимательнее.

Я не понимала, зачем, но сделала шаг.

– Еще ближе! – приказал он, ожидая, пока не подойду настолько близко, чтобы смог дотронуться до моей щеки.

– А ты обещаешь быть достаточно хорошенькой, – вдруг произнес господин Азир задумчиво, – очень даже хорошенькой. Может даже красавицей.

Я молчала, боясь что-либо сказать, только пытаюсь глотать и не понимая, зачем он это все говорит. Все равно я была настроена на наказание, а мужчина вел эти странные речи.

– А теперь отвечай мне честно, – сказал хозяин строго, – ты крала все эти сладости, вещи, ткани и украшения? И тебя никто никогда не поймал, если бы не несчастный случай? И

не смей врать! Я точно знаю, что и сколько ты украла!

Воздух вырвался из моих легких. Я молчала, ошарашенная тем, что он знает. Все это время я была уверена, что действую так ловко, что ни Аиша, ни тем более хозяин не имеют об этом никакого понятия. А что можно было сказать сейчас, зная, что так обманывалась, и за этим точно последует наказание? Я была готова принять что угодно за Дезире, а не за это. И как подозревала, плетъ было лучшим из всего возможного. А худшие варианты, приходящие в голову, заставляли дрожать всем телом.

Хозяин же молча сидел и ждал, что я скажу, но в ответ было только мое упрямое молчание.

– Отвечай, я сказал! – уже жестче приказал господин Азир, начиная сердиться.

Но меня было не так просто подчинить. Я приняла решение молчать и не собиралась его нарушать, тем более зная, чем чревато признание. Во всяком случае, о своих проделках, о которых так жалела теперь, ставших причиной несчастья с Дезире. И потому рассказывать ему особенно не собиралась.

Мужчина долго и пристально смотрел, ожидая и все также изучая упрямое выражение на моем лице. А потом вдруг неожиданно довольно улыбнулся и произнес:

– Мне нравится твое упрямство. Я все решил, и теперь только убедился, что прав. Поэтому прямо сейчас тебя переведут в другие покои. Ты больше не служанка.

– А кто? – выдохнула я озадаченно, не очень понимая, что моя жизнь так сильно изменилась.

– Ты все увидишь и поймешь сама, – загадочно произнес мужчина, вставая, – и обещай слушаться, иначе я не буду лечить Дезире, – сказал господин Азир, пристально смотря, давая понять, что это не шутка.

Хозяин точно знал мое слабое место, и что бы мне ни готовила судьба в его лице, я поняла, что соглашусь на что угодно, лишь бы только подруга не страдала.

– Хорошо, господин, – пробормотала я, увидев на его лице довольную улыбку после моих слов.

– Будь послушной и увидишь, что это может быть очень полезно и интересно. А еще даже приятно. Мне кажется, ты создана для этого.

«Для чего?!» – в шоке подумала, оторопев.

Но на этом господин Азир уже встал и молча уходил из сада, это были его последние слова. Затем Аиша подошла ко мне сзади и крепко схватила за руку, чтобы отвести обратно. Вернее, она почти тащила меня в другую часть дома, от той, где я жила.

– Куда мы? – спросила я ее удивленно. – Я хочу к Дезире! Я не пойду никуда больше!

– Ты пока будешь ночевать там же, а остальное время будешь проводить в другой части дома. Я тебе все расскажу и покажу, – тихо и строго сказал Аиша, цепко держа. – А слушаешься – ты знаешь, что будет! И Дезире не увидишь!

Я тут же вспомнила слова хозяина и мое собственное обещание, поэтому моментально послушно поплелась за женщиной.

Уже на следующий день я поняла, насколько решение хозяина изменило мою последующую судьбу, но насколько кардинально – поняла значительно позже.

Глава 6. Обучение.

Первое впечатление от моей новой комнаты было потрясающим. Я никогда не видела таких дорогих кроватей, тканей и подушек, столько роскоши и дорогой посуды. И говорить нечего о еде, которую мне давали теперь. Это было несравнимо с тем, что мы ели до этого. Здесь были сушеные фрукты и мой любимый лукум, мясо через день, и остальное просто таяло во рту. Я тут же отложила немного вкусностей Дезире, уже представляя, как та обрадуется, когда я угощу ее этим же вечером.

Но ни в этот день, ни на следующий я ее не увидела.

Когда же Аиша в тот день оставила меня в комнате, то я с непривычки к такой чистоте и роскоши села, скрючившись на полу в сторонке, не решаясь грязными ногами ходить по таким коврам и полам. Женщина, словно читая мои мысли, вернулась почти сразу и повела меня мыться. Там она скребла, терла и мыла меня, словно хотела заживл снять кожу как минимум. Я начала было брыкаться, но стоило ей шикнуть, а мне вспомнить про собственное слово, как я при- смирела и подчинилась, понуро стоя и терпя все эти издевательства.

Когда все было закончено, и я, наконец, сидела закутанная в простыни на этих чистых подушках, а Аиша высушивала мои торчащие во все стороны волосы, то я вдруг поняла, что

никогда не была такой чистой. Мне казалось, что кожа скрипит и блестит, как натертая посуда, ну а про волосы даже и говорить нечего. Правда они до сих пор были короткие, от чего больше походила на мальчишку, но я уже начала заду-мываться над тем, чтобы попытаться отрастить их подлиннее. Намного длиннее, а лучше, как у той женщины у фон-тана.

– Ну все, я закончила, – проворчала Аиша, видимо, добиваясь какого-то определенного результата от моей кожи и волос, который, наконец, достигла.

– А что я здесь буду делать? – спросила я, затаив дыхание и не понимая, что нужно, чтобы остаться здесь, надеясь потом протащить сюда и Дезире.

– Даже не думай! – словно постоянно читая мои мысли, ответила строго Аиша, тяжело вздохнув. – Ты должна понять, что тебе оказана честь, что господин Азир решил изменить твою судьбу. А ты должна быть паинькой и радоваться, что он так добр к тебе. А про подругу не переживай, я позабочусь о ней. Но только пока ты тоже будешь послушной и трудолюбивой, – вдруг посмотрев на меня мягче, произнесла женщина. – А мне приказано следить за тобой, чтобы ты выполняла все, что от тебя тут будут требовать. И если ты будешь лениться или еще что придумаешь, то быстренько вернешься обратно, если не хуже. Может, тебя вообще выкинут на улицу. И будешь побираться, пока не сдохнешь среди грязи.

Я помню, как испугалась такой перспективы. А самое

главное – что так я буду вдали от Дезира.

– Я буду слушаться, – пробормотала я тогда, выдохнув и мечтая, чтобы подруге так же повезло, как и мне. Но это ощущение было слишком преждевременным. Сложно было сказать, повезло ли мне...

Как я смогла в очередной раз убедиться чуть позже, ничего в этой жизни не дается даром. Все нужно отрабатывать трудом и потом, а порой и жертвами. Даже теми, к которым ты не всегда готов. Это я поняла уже тем же вечером, просто чуть позже. Когда я лежала, наслаждаясь и отдыхая на кровати, что было невозможно и непозволительно там, где я жила до этого, пришла Аиша и еще какая-то молодая женщина. Та была достаточно красивой, моложе и смотрела на меня как на дикого зверька, долго и молча рассматривая. А через некоторое время, вздохнув, незнакомка сказала:

– Меня зовут Ходижа. Я буду обучать тебя тому, что должна знать любая воспитанная девушка и даже больше. В конце нашего долгого пути ты будешь представительницей высшего света и при этом мечтой любого мужчины. И судя по тому, что я вижу, на это уйдут годы.

– Как это? – удивленно спросила я, искренне считая, что я все, что нужно уже знаю. – И зачем мне знать это?

– Для начала ты должна усвоить золотое правило послушания и молчания, – сказала та строго. На что Аиша посмотрела на меня с огромным сомнением. Она – то уже давно поняла, что терпение не моя сильная черта, да и послушание

тоже. Но мне в последствии пришлось отыскать все это в себе, как и многое другое, о чем я тогда и понятия не имела, чтобы сдержать слово и остаться здесь. Хотя бы ради Дезире.

На этом Ходижа схватила меня за руку и повела в другую комнату, чтобы сразу приступить. Уже позже этим же вечером я с квадратной головой приползла в комнату и упала на кровать, уставшая не меньше, чем от тяжелой физической работы. В голове так и кружились эти непонятные цифры, знаки, буквы и много всего прочего.

Моя учеба состояла из множества предметов: от обучения письму и речи, языкам, заканчивая правилами этикета. Все давалась мне сначала трудно, потому что я не понимала, зачем мне знать четыре языка, кроме родного. А тем более писать на них, когда и на родном то с трудом. А еще уметь танцевать, петь, играть на саггатах и удде, уметь одеваться и поддерживать разговор, знать математику и много чего другого. Все это я не считала тем, что даст мне выжить, поэтому я не видела во всем этом смысла. Но если я сопротивлялась, то меня били розгами по пяткам, а это было очень больно. Две девушки держали, а Аиша наказывала. А иногда Ходижа. В общем, знания в меня вколачивали в прямом смысле этого слова.

Но потом произошло то, что заставило меня перестать сопротивляться, а наоборот прилагать все усилия для обучения: Дезире перевели ко мне. Аиша сказала тогда:

– Господин распорядился, чтобы вас обеих обучали, но

сказал, что как только ты начнешь сопротивляться или отказываться делать то, что говорят и чему мы хотим научить тебя, то Дезире вернется обратно.

Я только в восторге закивала, согласная на все, лишь бы подруга была рядом. Ведь я не видела ее тогда так долго!

И вот Дезире поселили рядом со мной, чему я была несказанно рада, а одним только намеком на то, что ее лишат этого всего, заставляло меня делать все что угодно. Поэтому потребовалось не так много времени на то, чтобы я смиренно начала заниматься с большим рвением, лишь бы подругу оставили тут. А еще мне сделали послабление, и она была на некоторых занятиях со мной вместе: такие, как музыка и пение, письмо и английский, но остальное время нас держали врозь.

Но никто не знал, что ночами я все равно пробиралась к ней и мы болтали, а я объясняла ей математику, которая очень ей понравилась и другие предметы, которым меня обучали, а ее нет.

Так прошло несколько лет. Я и не заметила, как мне исполнилось четырнадцать.

И вот в один из дней пришла Аиша и опять сообщила, что господин хочет меня видеть. Это был первый раз с того дня, когда он принял свое решение обучать меня. А я так и не понимала, что заставило его сделать это.

На тот момент мой внешний вид совершенно изменился: волосы, которыми я очень гордилась, отрасли до пояса. А от

хорошей и сытной еды, более щадящих условий они были тяжелыми, блестящими, а тело уже начало приобретать все более женственные формы. Почти два года назад я стала из девочки девушкой, а потому была достаточно взрослой, чтобы выйти замуж. И эти мысли мучали и не покидали меня. Я боялась, что меня заберут от Дезире. И вот теперь, когда я шла по коридору на встречу к господину, изменившаяся до неузнаваемости, мое сердце отчаянно билось в груди. Я боялась услышать, что он хочет выдать меня замуж, и все это было именно ради этого. Что он готовил меня для мужа.

Затаив дыхания я вошла в тот же самый внутренний дворик с фонтаном, в котором почти десять лет назад этот же мужчина смотрел на меня в первый раз. Сегодня он сидел на том же месте и почти в той же позе, но я уже была совершенно другой. И в этот раз он очень долго и внимательно изучал меня, а я спокойно смотрела в его глаза. Но что-то в его взгляде насторожило меня. В этот раз он смотрел не только оценивающе, а еще как-то сладострастно. Даже будучи неопытной девушкой, я почувствовала это. И впервые меня посетила мысль, которая мне совершенно не понравилась.

«А что, если он хочет сделать меня своей наложницей? Если все было ради этого?!»

От одной такой возможности мне поплохело. Я никогда не думала об этом, а сейчас похолодела. Не говоря, что он был стар, так еще я подсознательно боялась его. Ведь этот мужчина мог сделать со мной и моей жизнью все, что хотел.

И у меня не было возможности отказаться. И это не говоря о том, что я все была готова сделать ради Дезире. И тут я поняла, что лишь успокаивала себя, что мы тихо проведем всю жизнь в этих стенах. Подруга да, вполне возможно, ведь с ее нынешними шрамами от ожогов по всей руке и немного по телу, ла еще хромотой вряд ли ее кто-то возьмет в жены. А вот что будет со мной.... Я понимала, что не уродка, но при этом крепкая и без физических увечий, а потому только нервно сглотнула, надеясь, что в лучшем случае, не в его вкусе.

Господин Азир же тем временем смотрел на меня долгим взглядом, а потом вдруг спросил.

– Я знаю, что ты уже созрела для мужчины, – начал он, на что я только судорожно выдохнула. – Но я пока не решил, для чего ты подойдешь больше. Поэтому дальше в программу твоего обучения будут внесены изменения. Потом будет испытание, которое ты будешь сдавать лично мне. А там и посмотрим, для чего ты сгодишься. Способна ли делать то, на что так рассчитывал, когда начал обучение.

Я только выдохнула и замерла, даже боясь представить, что он от меня хочет. Но после нескольких лет обучения на автомате скромно ответила:

– Да, господин.

Тогда он улыбнулся и неожиданно встал, потом медленно подошел ко мне. Затем взял двумя пальцами мой подбородок, приподняв мое лицо так, чтобы я смотрела ему в глаза

и тихо произнес:

– Ты очень красива. Я не ожидал, что ты такой станешь, а через пару лет обещаешь стать настоящей красавицей. Но даже сейчас в тебе это чувствуется: характер и чувственность. Если ты не оправдаешь задатки, которые в тебе есть, насколько я знаю со слов Аишы, то я возьму тебя к себе. Ты будешь моей наложницей. А теперь иди.

Сказав это, он тут же отпустил меня и опять вернулся на прежнее место, вальяжно покуривая кальян и больше не смотря на меня.

Я пошла к себе, ничего не видя перед собой. Его слова звенели в моих ушах. Я ничего не соображала от сказанного, только ощущение его прохладных пальцев на лице и этого холодного взгляда порождали мурашки нервозности по моей коже. Я вдруг поняла, что не выдержу, если он проснется ко мне как мужчина. Хотя я знала, что должна быть смиренной, а любой мужчина самый важный человек в моей жизни, что вправе распоряжаться моим телом и разумом, но все внутри меня возмущалось на это.

«Ему сколько? Лет сорок или больше? И он считает, что я должна быть счастлива от такой перспективы?» – клокотало во мне.

И я решила, что буду заниматься втрое, нет вдесятеро лучше, чтобы он передумал и не сделал меня наложницей, а потому оправдать его ожидания, но уж точно не попасть в его постель. Просто я не знала, что именно он от меня хочет,

мечтая научиться делать это блестяще....

Глава 7. Обучение по желанию господина

И вот, я встала на следующий день с твердым намерением заниматься и учиться всему как можно лучше. Но господин Азир не обманул, сказав, что попросит изменить программу для меня. Я даже не думала, что это будет так радикально.

Первым шоком для меня было то, что вместо обычных предметов меня стали учить чему— то очень странному. Теперь мне давали уроки, как одеваться по— европейски, а также правильно краситься и вообще разбираться в моде, драгоценностях, предметах искусства, правила этикета и как вести себя в обществе европейцев. Потом, когда я уже было решила, что это все легкотня, радуясь, что со мной на этих уроках была и Дезире, то только мне добавили такие дисциплины, как общеполитическую ситуацию в мире, финансы, а самое странное — ядовитые растения и яды, а так же начальные медицинские навыки. А через какое— то время мне представили новую учительницу по имени Рашита¹, что я потом восприняла как издевку. Или сарказм. А все потому, что она оказалась профессиональной мошенницей и воровкой. Но это я поняла потом, испытав шок от того, чему именно она меня стала учить.

¹ Перевод имени с арабского «идушая правильным путем»

«Это что, шутка такая?» – удивлялась и поражалась я, думая, что это все неправда, что это и есть тест или испытание, которое мне обещано. А потому отказывалась первое время. Но все оказалось взаправду. Я это поняла, когда пришла Аиша и жестко пригрозила мне, что если я буду упираться, то Дезире переселят. Тогда лишь я начала слушать, что та должна была меня ничуть делать. Рашита показала мне, как вытаскивать вещи у людей, как обманывать обывателей на базаре и подобное. А я вдруг подумала, что, в общем–то, сама толкнула Азира к такому решению тем, что крала все те вещи для себя и Дезире. А значит, сама виновата в том, во что это превращалось для меня сейчас.

– Это только начало. Потом я научу тебя вскрывать замки и сейфы, – сказал тем временем Рашита, хитро улыбаясь, от чего я сразу поняла, что женщина говорит на полном серьезе.

Но видимо природная ловкость и находчивость все же помогали мне в этом, так что та была очень довольна моими результатами. И конечно, Дезире со мной на этих уроках не было. А Аиша приказала никому и никогда не говорить о том, чему меня обучают. И как я могла послушаться?

Постепенно мои движения становились все более уверенными, плавными, и вот я уже без труда могла снять что–либо с человека, а он даже не замечал, вытаскивала из сумки или кармана нужную вещь, заговаривая при этом зубы, если надо. Я стала частенько пользоваться этим умением дома, от

чего в первый раз получила десть очень болезненных ударов по пяткам, а после этого уже не тренировалась на своих. Так же быстро я усвоила, как открывать двери, замки, сейфы, а попутно и наручники. Я совершенно не понимала, зачем мне все это нужно, но господин приказал и, обещая при провале то, о чем мне даже думать было тошно.

Примерно через полгода после того дня, когда хозяин Азир сообщил мне о возможной перспективе моей судьбы, Аиша пришла в мою комнату с очень таинственным видом и приказала следовать за ней. Я была озадачена ее поведением, но послушно пошла. Поняла я причину только потом, когда меня провели в какую-то тесную комнату и приоткрыли смотровое маленькое окошко, которое явно использовалось, чтобы подсматривать и подслушивать. Аиша же приказала мне внимательно смотреть на то, что происходило в комнате. Я подчинилась и почти тут же отвернулась.

– Я не могу! – выдохнула я тогда в смешанных чувствах стыда, любопытства, ужаса и смущения.

– Смотри и учись! – приказала Аиша холодно, силой вернув меня к смотровому окошку и держа мою голову так, чтобы я опять не отвернулась, зорко следя, чтобы я не закрывала глаза. Но я закрыла, за что получила первую в жизни пощечину. И тут я вспомнила про Дезире и обещание господина. И мне пришлось наблюдать. Именно тогда я и узнала, что происходит между мужчиной и женщиной в первую брачную ночь. И видимо, даже несколько больше, потому что женщи-

на делала все с умением, доводя мужчину до почти безумного состояния, когда мне становилось страшно за нее. А еще они оба постоянно стонали и кричали, и вообще все время издавали такие звуки, что мне казалось, им больно или плохо. Аиша, видя мой испуг, улыбаясь, сказала, что им наоборот хорошо. И уже в конце, когда мне было трудно дышать от всего увиденного, я вдруг узнала в женщине ту красавицу, которая когда-то зародила во мне желание быть похожей на нее. Я невольно скривилась от этого воспоминания, только теперь понимая, насколько мое желание было ошибочным. Сейчас я точно этого не хотела.

Весь оставшийся день и последующую ночь эти картинки, позы, их стоны, вздохи преследовали меня. Я думала, что мне будут сниться кошмары, с трудом представляя, что это будет происходить со мной, с замиранием сердца понимая, что на месте мужчины может быть господин Азир, если я провалюсь. Мне почему-то не верилось, что это приносит удовольствие, как говорила Аиша. Та девушка так стонала. И мне все равно казалось, что это больно, когда мужчина тычет этим в нее. Хотя в какой-то момент мне пришло в голову, что ему тоже это может быть неприятно, судя по тому, каким напряженным было его лицо при этом.

Но самое ужасное ждало меня на следующий день. Аиша утром увела меня из комнаты и стала рассказывать и объяснять все то, что я видела накануне. Она сначала рассказала физиологию мужчины и женщины, а потом стала разъяснять,

как и что приносит наибольшее удовольствие обоим, а еще отдельно только мужчине или женщине. И вдруг мне пришло в голову, что видимо, я не выдержала испытания и провалилась, потому что меня учили ублажать мужчину. Приносить ему удовольствие. А значит, мне суждено стать женщиной Азира.

«Неужели я не оправдала надежд? Неужели мне предстоит стать наложницей господина?» – с ужасом думала я.

Находясь на краю отчаяния, я даже рискнула поделиться этим с Дезире. Не в открытую, конечно, но мне сложно было держать это все в себе. Был один из редких вечеров, когда занятия уже закончились, и мы сидели в комнате вдвоем. Сейчас мы виделись намного реже, нам почти не удавалось быть рядом ночью, хотя я все равно пробиралась к ней в комнату, но наша дружба и нежная привязанность друг к другу не стала от этого меньше. Скорее, наоборот. Я помнила свою вину перед ней, от чего еще сильнее хотела ее опекать, а разлука только обостряла чувство преданности.

– Знаешь, я не хочу быть женой какого-нибудь старого господина, – выдохнула я и замерла в задумчивости.

– Почему ты думаешь, что так будет? – удивилась Дезире.

– Мне так кажется, – тихо произнесла я, решив не делиться подробностями. Я была уверена, что ее готовят так же как меня, а потому все чаще задумывалась над тем, что нам, возможно, скоро придется расстаться. Это рвало мне душу, но ее расстраивать я не хотела и не могла. Для меня Дезире была

чистой райской птицей, которая вынуждена сидеть в клетке. Она была такой доброй, такой верящей, что в каждом есть хорошее, такой прекрасной душой, от чего ее внешние увечья совершенно не имели для меня значение. Она была моим лучиком света в этой темной и безрадостной жизни.

«Но что я могу сделать, чтобы она была счастлива?» – задавалась я все чаще вопросом, но не могла на него ответить. Я была готова на что угодно, лишь бы сделать ее жизнь лучше и радостнее, но не знала, что именно могу сделать для нее сейчас.

– А мне кажется, что я буду счастлива в замужестве, – тихо, не смотря на меня, произнесла она, смотря на звезды в окне.

– Буду только рада, если это будет так, – искренне произнесла тогда я, порывисто обняв ее и понимая, что эта возможность становится все призрачнее. Дезире же обняла меня в ответ. Она казалась мне самой лучшей в целом мире, самой родной, самой близкой.

– Что с нами будет? – как – то тихо спросила она меня, а я осознала, что она тоже все понимает и не хочет расстраивать меня.

– Я не знаю, – с тяжелым вздохом произнесла я тогда, пытаясь не обнадеживать и не огорчать ее, тем более, что действительно не знала. И это страшило меня больше всего. До дрожи.

А еще я помнила, что скоро наступит роковой час, когда

хозяин должен принять решение о моей судьбе после прохождения какого— то испытания.

Неожиданно, ко всем имеющимся урокам мне стали преподавать совсем уж странные: мировую экономику, немного законы, немного о ценных бумагах. Это давалось тяжело, но я стала более или менее разбираться в этом, хотя бы для того, чтобы поддержать беседу при необходимости.

Но большую часть времени теперь отдавалось моим самым ненавистным урокам: а именно как быть наложницей и приносить удовольствие мужчине в постели. И это с каждым днем угнетало и беспокоило меня все больше. А главное, я не знала, как лучше поступить в моем случае? Делать это хорошо или наоборот плохо, чтобы только остаться здесь.

Глава 8. То, о чем обычно молчат.

И вот в один из дней настало то, чего я так подспудно боялась. Аиша, вместо того, чтобы отвести меня в ту обычную для этих «уроков» комнату, где я могла только наблюдать за тем, как женщина ублажает мужчину, она провела меня в самую комнату, где посередине под балдахином стояла огромная кровать. Меня тут же затрясло от ужаса и волнения, а дыхание сбивалось от одной мысли, что мне могут приказать сделать. Я боялась представить, что же мне предстоит выполнить то же, что я видела. От этих нахлынувших эмоций я не сразу заметила, что на кровати лежит молодой мужчина, полностью обнаженный. Но все было сделано так, что я не могла видеть его лица, а из-под покрывала был виден только нос, чтобы он мог дышать. Так что, даже встретив его ненадолго, я бы точно не узнала. А он, к счастью, не видел меня. Это хоть как-то облегчало ситуацию и неловкость, которую я испытывала помимо ужаса.

Аиша же тем временем подвела меня к лежащему на спине юноше, начав без стеснения объяснять все то, что до этого было только на словах. О строении его тела, о чувствительных зонах, в том числе и той части, которой он мог тыкать в женщину. Я опасливо посмотрела ниже его пояса, где сейчас его отросток безвольно лежал между ног и не казался таким уж страшным.

– Сейчас он тоже взволнован и поэтому не возбужден, – говорила Аиша мне на ухо. – Но если приложить некоторые усилия или даже слова, если мужчина достаточно темпераментный, а возможно, просто сделать что– то соблазняюще, то ты сразу увидишь результат, – спокойно рассказывала женщина. При этом она вдруг своим пальцем, слегка дотрагиваясь, провела по члену, и эта часть тела вдруг словно ожила, будто не была частью этого тела, а существовала самостоятельно. Этот отросток стал расправляться и увеличиваться на глазах, от чего я затаила дыхание, не веря собственным глазам. До этого я видела этот орган только с того момента, когда мужчина уже был возбужден.

«Ох», – только и выдохнула я, дрожа от смущения и любопытства. Мне вдруг захотелось узнать, смогу ли я так же заставить его меняться. Аиша поняла это по моему взгляду и, ухмыльнувшись, тихо сказала.

– Дотронься, попробуй. Это не так неприятно, как ты думаешь.

Я почти перестала дышать и подошла еще ближе. Ведь пока я видела все издали, это было там, не со мной, а теперь я очень сильно боялась и переживала, раздираемая смущением и любопытством, понимая, что настало время практики. И это страшило и одновременно будоражило меня. Но уже стоя прямо над так не похожим на мое собственное мужским обнаженным телом, расслабленно лежащим на кровати, я не могла не отметить, что юноша по– своему красив. А мыш-

цы, грудная клетка и живот его так отличались от моих, были крепкими, надежными, словно созданным защищать. А еще неожиданно очень уж волосатая грудь и ноги. Это рассмешило меня, настолько было неожиданно, и я чуть не захихикала, но вовремя поняла, как это будет неуместно. До этого я видела, что у мужчин растут волосы на теле больше, чем у женщин, но у этого все было как— то особенно сильно. Тем более, что меня давно приучили удалять все волосы с тела из гигиенических соображений.

А тот отросток, который был между его ног, сейчас снова был маленьким и опять совсем не страшил меня, словно снова прячась. Но тут сама мысль, что он может стать большим и будет внутри моего тела так, как я видела ни раз, вызвала тошноту, сразу подступавшую к горлу.

— Не бойся, попробуй, — подначивала меня Аиша, подталкивая сзади.

Дрожащей рукой я медленно дотронулась до грудной клетки юноши и провела от района его сердца до низа живота. Это оказалось приятно, а мужчина задышал чаще. Но самое главное и удивительное, что его орган стал увеличиваться, хотя до него я еще даже не успела дотронуться до него. Я удивленно посмотрела на наставницу.

Аиша улыбнулась.

— Да, так мужчина реагирует на возбуждение, — сказала она. — И это может быть как ощущение от прикосновения, так и происходить только в его воображении. И лишь от жен-

щины зависит, как именно она заставит его возбудиться и что хочет получить в итоге.

— Даже так? — искренне удивилась я, и в этот момент вдруг поняла, что надо научиться доводить мужчину до пика без того, чтобы он тыкал этой штукой в меня. И в своем желании, чтобы это когда-либо случилось, я была убеждена.

— А можно подробнее? — выдохнула я, видя при этом, как на глазах увеличивается его орган, с ужасом понимая, что в меня такой просто не поместиться.

Аиша улыбнулась, видя такой мой энтузиазм, которым не преминула воспользоваться. Поэтому она крепко взяла мою руку, положив свою поверх моей кисти, и тут же руководя ею дотронулась моей ладонью именно там, куда я сама так боялась или стеснялась. Я тут же почувствовала член, и перестала дышать на секунду. Ощущения были очень странные: кожа здесь была нежная, горячая, а орган быстро увеличился под моей рукой. Я сама не заметила, как начала часто дышать, осознавая в теле странное ответное чувство на то, что понимала разумом и чувствовала сейчас. Аиша одобритительно кивнула и отпустила мою руку, а я не стала отдергивать. Все это становилось очень любопытным. А главное, я видела, как реагирует этот неизвестный мужчина. И внутри меня росло ощущение власти над его чувствами и желаниями. Тогда я непроизвольно сжала его член чуть сильнее, от чего он резко и порывисто выдохнул, а отросток стал тверже в моей руке.

– Молодец, – одобрительно кивнула Аиша, видя опытным взглядом, как мое смущение уступает чему– то совершенно другому, издревле женскому. Тому, что всегда привлекало и будоражило фантазию мужчин.

– Проведи, сжимая его, вверх или вниз по стволу, но нежно. Иначе ему будет больно, – тихо сказала она, внимательно наблюдая за моими действиями.

Я послушно сделала это, неловко, неуверенно, но даже это движение родило у юноши очередной резкий выдох, а я не могла не заметить, как часто он задышал, еле сдерживая стон, а потом все же тихо застонал. Это вызвало одобрительный кивок Аишы. В первый момент я подумала, что сделала ему больно, но каким– то внутренним чувством, которое живет в каждой женщине, вдруг поняла, что ему нравится. А стон, скорее похож на восторг и удовольствие, чем тогда, когда испытываешь боль. И тут я со всей очевидностью осознала, какую власть могу получить над любым мужчиной, если он будет хотеть меня. Если будет жаждать получить мое тело, я смогу тогда делать с ним все, что хочу. Это был восхитительно, захватывало дух, от чего я тоже резко выдохнула и воодушевленно посмотрела на Аишу. Женщина довольно улыбнулась, видя мою реакцию, приняв ее за возбуждение. Но на самом деле я не собиралась отдавать свое тело ни одному мужчине, кроме мужа, еще где–то глубоко втайне надеясь, что смогу выйти замуж и забрать отсюда Дезире.

И теперь я отчетливо понимала, что это может случить-

ся, только если буду делать все идеально, даже это. Поэтому я уже более самозабвенно провела по члену пальчиком, потрогала головку, обводя ее по верхней части, от чего с радостью увидев, как по телу юношу пробежала ответная судорога чего— то, что мне было еще неизвестно. Я только могла догадываться, что это и есть желание.

— На первый раз хватит, — сказала тихо Аиша, беря мою руку и отводя подальше от кровати, где лежал уже возбужденный мужчина, а его член призывно торчал вверх. — Теперь ты вблизи увидишь все, чтобы понять, что это все же удовольствие. И как нужно действовать. А если понадобится, дотронуться, чтобы увидеть подтверждение моим словам.

Я еще часто дышала, находясь под впечатлением от ощущений и мыслей, которые испытала только что. Они были совершенно другими, чем когда стоишь за стенкой и смотришь. Я не могла сказать, что чувствую в эту минуту, хотя ладонь еще хранила воспоминание о горячем и подрагивающем мужском члене. Это было что— то новое, что— то странное. Я стояла, замерев, недалеко от кровати и этого неизвестного, еще не осознавая, что во мне рождается женщина. Та самая, которая сможет сделать все, что захочет, подчинить мужчину взглядом, если ей будет нужно. И для этого совершенно не обязательно отдавать свое собственное тело, даже показывать свое лицо, тело или грудь. Это было понимание, что добиться власти над мужчиной можно совершенно по—

другому и не принуждая себя к тому, чтобы проделывать с ним всякие вещи, а он бы тыкал в тебя свой член. И это понимание возродило во мне сильнейшее желание научиться этому так, чтобы ни один не устоял от моих чар. А все для того, чтобы попытаться сохранить свою невинность для мужа.

В это время в комнату уже вошла женщина, одетая в легкую ткань на прекрасное обнаженное тело, которая продолжила то, что начала я. Но она была опытная, страстная, желанная.

Я только заворуженно смотрела и впитывала все, что она делала, воспринимая теперь все это совершенно по-другому.... Это теперь было жизненно необходимо для меня, если я хотела воплотить свою тайную мечту.

Глава 9. Путь к своей цели

После того первого раза, когда теория так неожиданно превратилась в практику, все уроки стали только такими. И каждый раз мужчина был разный, но я так же не видела лица ни одного из них. Только разница во внешнем виде тела говорили мне об этом. Это были молодые, более взрослые мужчины, более мускулистые и менее. Ну и члены у них, к моему удивлению, тоже были совершенно разными. В первый момент меня это так удивило, что я спросила Аишу, которая еле подавив смешок, все же ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.